

УДК 39

ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ КАРЕЛОВ КАРЕЛИИ

Е. И. Клементьев

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Структура национального (этнического) самосознания карельского этнического образования развивалась и изменялась под влиянием сложного переплетения исторических, политических, социально-экономических и этнокультурных факторов. Особую роль в его динамике сыграли языковые процессы, а также широкое распространение национально-смешанной брачности.

Ключевые слова: национальное (этническое) самосознание, языковые процессы, межнациональная брачность, «национальная» школа.

E. I. Klement'ev. THE FACTORS BEHIND THE ETHNIC IDENTITY EXAMPLE OF KARELIANS IN KARELIA

The structure of the national (ethnic) identity of the Karelian ethnic education evolved and changed under the effect of intricately interwoven historical, political, socioeconomic and ethnocultural factors. A peculiar role in its evolution belonged to language-related processes, as well as to the wide occurrence of inter-ethnic marriages.

Key words: national (ethnic) identity, linguistic processes, inter-ethnic nuptuality, "national" school.

Каждая этническая общность формируется в процессе длительного исторического развития под воздействием социально-экономических, политических, географических, природно-климатических и других факторов и условий. Считается, что в основе возникновения и самоподдержания этносов лежат сгустки коммуникативных, информационных связей. Образовавшийся социальный организм способен воспроизводить всю палитру своего этнокультурного многообразия: различные формы культуры, язык, особенности семейной и обрядовой жизни, образцы поведения и т. д.

Национальное (этническое) самосознание народа как групповая солидарность базируется на комплексе взаимосвязанных, взаимообуслов-

ленных признаков (факторов), представляющих собой систему. Национальное (этническое) самосознание есть результата объективных и субъективных признаков (элементов) любого этнического образования, по которым народы отличаются друг от друга. Каждый народ, как и каждый индивид, имеет свой набор ценностей и признаков, вовлеченных в его жизнедеятельность. Чувство этнического единства укрепляется в процессе социализации личности в системе внутриэтнических и межэтнических связей и отношений. И в зависимости от того, в каких условиях происходит социализация индивида, какой опыт внутриэтнической жизни осваивается, вырабатывается то или иное чувство привязанности к своей национальности.

Осознание внутриэтнического единства с определенной этнической общностью тесно связано с серией этнообъединяющих факторов: наличием общего самоназвания (этнонима), представлениями об общности происхождения и родной земле, общностью исторических судеб народа, единой территорией проживания, родным языком, материальными и духовными ценностями, традициями, образцами и нормами поведения, психологическими представлениями о себе и своей национальности в отличие от других.

Изучению национального (этнического) самосознания, признаков, формирующих его, их роли в утверждении этнической идентичности посвящена огромная научно-исследовательская литература [Арутюнов, 1995; Бромлей, 1969, 1983; Губогло, 1971, 1973, 1975, 1998, 2003; Дашдамиров, 1968; Козлов, 1969, 1970, 1971, 1974, 1979, 1995; Козлов, Шедепов, 1973; Кузнецов, 1988; Кушнер (Кнышев), 1951; Пименов, 1972, 1993; Тишков, 1993, 1994, 1997; Подходы..., 1994; Чешко, 1994; Чистов, 1997 и др.].

Некоторый опыт изучения национального (этнического) самосознания накоплен и в Карелии. Проблемам его устойчивости на примере карелов и вепсов – сознательному стремлению к воспроизводству и сохранению внутриэтнических связей – посвящены работы А. А. Кожанова. Использование различных методик (методы выбора портрета, выбора этнонима, опроса «третьих» лиц, анализа признаков этнической общности и этнического сопоставления, применение фотографий) позволило автору показать сложность данного феномена, функционирующего в условиях интернационализации общественной жизни [Кожанов, 1976а, 1976б, 1977, 1978].

Под воздействием социально-экономических, политических и ряда других условий, изменяющих культурный облик этноса, его коммуникативные связи, трансформируется и структура национального (этнического) самосознания, изменяется «вес» ее составляющих: роль одних признаков снижается, других, напротив, возрастает, третьих весьма длительное время остается неизменной. Перестройка структуры признаков сигнализирует о направленности развития национального (этнического) самосознания, его уровне. Изменение национального (этнического) самосознания (ассимиляция) представляет конечный результат завершившегося развития этноса.

В настоящей статье обсуждаются некоторые вопросы трансформации национального (этнического) самосознания карелов путем анализа

серии факторов, формирующих его. В работе используются материалы авторских социологических исследований 1960–2000-х годов, языковых дискуссий рубежа 1980–1990-х годов, переписей населения разных лет.

Предваряя анализ обсуждаемых проблем, существенным представляется отметить следующее. Во-первых, возникновение и развитие самооценки, осознание своих поступков, мотивов, своего отношения к другому человеку, к представителям других национальностей связано с принципом противопоставления. По этому поводу К. Маркс писал, что «человек сначала смотрится, как в зеркало, на другого человека», и это является отправной точкой личного самосознания. «Лишь относясь к человеку Павлу, как к себе подобному, человек Пётр начинает относиться к самому себе как к человеку» [Маркс, Энгельс, Т. 23. С. 62], т. е. осознает себя как личность, принадлежащая к определенному этническому коллективу.

Во-вторых, проблема формирования национального (этнического) самосознания по существу является проблемой «перевода» фактов национальной жизни в содержание отражения, в субъективное восприятие и отношение к объективной действительности на основе этой реальности. А оценка факта своей национальной принадлежности формируется под воздействием внешних факторов (окружения) и внутренних факторов (собственный опыт, личностные характеристики).

В-третьих, самооценка есть свойство, определяющее поведение человека, его адаптацию к среде, повседневным явлениям национальной жизни. Межнациональные взаимосвязи, отношение к своей национальной принадлежности осуществляется в процессе взаимодействия личности и этнического образования с реальным миром и зависят как от личностного, так и от группового опыта познавательной и практической деятельности.

В-четвертых, внешние и внутренние факторы, определяющие то или иное отношение к национальной жизни, факту национальной принадлежности, подвержены изменениям. По мысли К. Маркса, «...вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также их представления, взгляды и понятия, – одним словом, их сознание» [Маркс, Энгельс, Т. 4, С. 445]. Эволюции подвергается и национальное (этническое) самосознание.

Национальное (этническое) самосознание рассматривается нами как своеобразный фокус, суммарное выражение исторического развития этноса, всего комплекса свойств

социально-этнического характера. Приобретение опыта, способствующего внутриэтническому единству, сводится к проблеме социализации личности одновременно в двух сферах жизни – социальной и этнической.

В 1969 г. автором был проведен первый массовый опрос карельского сельского населения КАССР, посвященный состоянию и тенденциям развития социальной структуры и национального (этнического) самосознания. В ходе обследования в 53 сельских населенных пунктах был опрошен 1231 карел. Материалы исследования позволили сделать, как представляется, некоторые важные наблюдения [Клементьев 1971а, 1971б, С. 38–44], которые сегодня могут быть существенно расширены и дополнены.

В исследовании 1969 г. связи индивида со своей этнической общностью выяснялись, в частности, вопросом: «Что сближает (роднит) Вас со своей национальностью?». Для каждого опрашиваемого предлагалось два варианта вопроса – открытый и закрытый.

При открытом вопросе велась свободная беседа, в ходе которой опрашиваемый объяснял свои представления о связях с карелами. Затем представлялся закрытый вопрос, который содержал заранее подготовленный перечень факторов (условий), сближающих людей одной национальности. В этот перечень были включены следующие варианты ответов: мать карелка, отец карел, родственники и близкие карелы, национальный язык, живу в Карелии, национальные обычаи, привычки, обряды, национальные песни, танцы, национальная пища, жилище, национальная литература, искусство. Предусматривались и такие варианты ответов, как «затрудняюсь ответить» и «ничто не сближает». Столь широкий набор индикаторов, как представлялось, позволит получить более развернутые ответы на вопрос: «Какую они играют роль в национальном (этническом) самосознании?»

От общей численности опрошенных только 1,8 % заявили, что их «ничто не сближает со своей национальностью». Так обычно отвечали родившиеся в национально-смешанных семьях. 8 % опрошенных затруднились ответить на поставленный вопрос.

Устойчивую связь со своей национальностью приблизительно в равной мере разделили представления о родной земле («живу в Карелии» – 59,4 % ответов), национальный язык (56,1 %) и кровнородственные связи (мать карелка – 55,1 %, отец карел – 54 %, родственники и близкие карелы – 41,2 %).

«Живу в Карелии» расшифровывалось опрошенными по-разному: это и республика, и привычное место длительного жительства, и знаковый ландшафт и т. п.

Значительную часть содержания понятия «национальное (этническое) самосознание», как справедливо считается, составляют отношения людей, основанные на общности происхождения, которая «неотделима от отношений родства», и «как правило, осознание людьми своей этнической принадлежности утверждается посредством осознания ими этнической принадлежности своих родителей [Шелепов, 1968. С. 68, 72–73]. Опрос это подтвердил.

Многие исследователи, особенно языковеды, настаивают на том, что язык является главным, ведущим, определяющим, основным признаком этнической идентификации. Особо подчеркивается тот факт, что язык является «входом» во все многообразие культурного наследия народа. И если социализация в раннем возрасте происходит на языке своей национальности, который обычно становится родным, то этническому образованию и национальному (этническому) самосознанию задается весьма высокая степень устойчивости.

Не умаляя важности и силы языкового фактора во внутриэтнических связях, обратим внимание на другое. К сожалению, межпоколенные кровнородственные связи обычно редко или вообще не фиксируются в опросном листе социологического исследования, посвященного вопросам этнической идентификации. Думается, что язык следовало бы рассматривать в тесной связи с генетическим фактором, реальным этническим происхождением индивида, задающим языковую преемственность поколений. Конечно, и вне семьи язык того или иного народа может быть освоен и восприниматься родным, но это скорее исключение из правил, чем правило. Примечательно, что у финнов понятие «родной язык» – это «язык матери» («äitin kieli»). В данном случае явно выражена непрерывная межпоколенная этногенетическая и языковая связь. Иными словами, в данном случае в осознании идентичности отражается та часть этнического бытия, которая фиксирует отношения людей одной национальности, основанные на кровном родстве, шире – общности происхождения [Шелепов, 1968. С. 72].

После завершения исследования записанные мнения опрошенных по открытому вопросу были сгруппированы по факторам, содержащимся в вопросе с закрытым вариантом ответов. Это позволяло ранжировать значимость

элементов в структуре национального самосознания.

Сравнительный анализ ответов по двум вопросам проводился с учетом языка раннего детства, родного языка, степени владения карельским языком, его использования в различных сферах общения, знания карельского языка по сравнению с русским языком, возраста, образования, социально-профессиональной принадлежности. Подобная методика позволяла иметь более полное представление о «силе» и «весе» каждого фактора в осознании внутриэтнических связей и в конечном итоге судить о подвижности, устойчивости или неустойчивости осознания принадлежности к карельскому этносу.

По ответам на открытый и закрытый вопросы были выделены две большие группы опрошенных, представляющие два типа (два уровня) национального (этнического) самосознания. Основные различия между ними оказались весьма выразительными.

Первая группа опрошенных свою самоидентификацию отождествляла с общностью происхождения, широкими и тесными родственными связями, знанием национальной жизни (обычаев, обрядов, традиций и т. д.), особенностей духовной культуры (национальных песен, танцев, различных обрядов и пр.). Значительный акцент в связях делался на свободное владение языком своей национальности, который являлся основным средством внутринациональной коммуникации и признавался родным. Опрошенные этой группы свою этническую солидарность нередко объясняли исходя из повседневно-привычных и обыденных образцов и норм поведения.

Такой набор элементов внутриэтнической солидарности, включая поведенческую модель, характерен для карелов старшего поколения, поддерживающих постоянные связи с широким кругом родственников в пределах и за пределами конкретного места жительства. Их ориентации в сфере культуры базируются на сохранении в реальном быту традиционных форм культуры. У представителей этой группы стойкими являлись установки на выбор их детьми совпадающей с ними национальности, хотя родители и не противодействовали бы выбору детьми другого этнонима. Это чаще женщины, чем мужчины, имеющие образование не выше среднего, занятые преимущественно физическим трудом, постоянно или длительное время проживающие в одном населенном пункте, в «своей» этнической среде. Непосредственно-стихийное отражение опыта практической деятельности, проживания в условиях, в которых

еще достаточно широко была представлена этническая специфика, свидетельствует о том, что в структуре национального (этнического) самосознания первой группы значителен пласт обыденного сознания.

У этой группы опрошенных открытый вопрос: «Что роднит, сближает Вас с людьми своей национальности?» вызывал подчас удивление, встречные вопросы и утверждения типа: «Кто мне может быть ближе, если мои родители, все мои родственники из поколения в поколение карелы?», «Я всю жизнь живу в этой деревне, где все для меня родное и близкое», «Учились жить по карельским обычаям» и т. д. Неоднократное уточнение анкетного вопроса в различных вариантах типа: «А чем Вам близки карелы?», «Что у Вас общего с ними?», «А что еще сближает?» и т. д. позволяло снимать определенное недопонимание и затруднения, облегчая проведение опроса-беседы.

Другая группа опрошенных, в отличие от первой, свою этническую принадлежность весьма убедительно аргументировала не только такими же примерами, но и чаще теоретическими представлениями о роли различных этнических компонентов и их совокупности в структуре национального (этнического) самосознания. Свою этничность они далеко не всегда связывали с повседневностью. Абстрагируясь от реальных социально-этнических связей, свою принадлежность к карелам доказывали серией убедительных маркеров-факторов, объясняли свою позицию логикой, но не всегда причастностью их к национально-культурному, в том числе языковому наследию своей национальности. Не все из них умели свободно говорить по-карельски, а если и знали карельский язык, то значительно реже, чем первая группа, использовали его в повседневном общении. Часть опрошенных этой группы родным считали русский язык. Песенную или танцевальную традицию карелов они знали значительно хуже, а о таких особенностях национальной культуры, как обряды, верования, имели или весьма смутное представление, или вообще не знали их. Они были значительно лучше осведомлены об образцах современной культуры, в том числе профессиональной, отдавали им свое предпочтение и т. д. Иными словами, начавшие размышлять внутриэтнические связи, ослабляющие реальную устойчивость их национального (этнического) самосознания, восполнялись у них научными знаниями и теоретическими рассуждениями.

Второй тип представлений, в котором присутствуют элементы теоретического понимания внутриэтнической идентичности, заметнее

всего проявлялся у работников преимущественно умственного труда, со средним, средним специальным и реже высшим образованием и специальной профессиональной подготовкой. Такие образцы поведения и национально-культурные ориентации особенно характерны для карельского городского населения [Клементьев, 1976. С. 57–68].

Различия в отражении действительности свидетельствуют о том, что теоретическое сознание «значительно больше в количественном отношении и оно гораздо весомее по существу» [Грушин, 1967. С. 29].

В то же время отметим, что и в первой группе встречались сведущие в общих вопросах теории этноса и национального (этнического) самосознания. В сельской местности таких знатоков обычно называют «деревенскими философами».

В числе факторов, слабо влияющих на внутреннюю монолитность карельского этноса, оказались особенности материальной и духовной культуры, как традиционный ее слой (народные песни, танцы, обрядовая жизнь и т. д.), так и профессиональный, не получивший широкого распространения в карельской среде в силу слабой развитости.

Одни факторы (кровнородственные связи, язык, представления о родной земле) оказались очевидными, как бы «лежащими на поверхности», другие – особенности духовной и материальной культуры – ускользающими из поля зрения.

Исследователи неоднократно подчеркивали, что внутриэтническая солидарность, запечатленная в национальном (этническом) самосознании, существенно варьирует по структуре, набору индикаторов этнической сопряженности, их «весу», будучи в то же время психологически окрашенной [См., например: Дашдамиров, 1968; Губогло, 1973, 1975, 1998, 2003; Национальное..., 1994; Дробижина, Аклаев, Коротеева, Солдатова. 1996; Идентичность..., 2002].

Наше исследование, как было показано выше, подтвердило это общее положение. Существенно подчеркнуть следующее: осознание национальной (этнической) принадлежности «я – карел», несмотря на разное восприятие внутриэтнических связей отдельным индивидом, представляло собой не сумму индивидуальных сознаний, а некую результанту, в которой переплеталось сочетание всего многообразия объективных и субъективных факторов. В конце 1960-х годов родной язык еще оставался довольно сильным фактором этнического единения: у 90 % всех опрошенных языком ран-

него детства был язык своей национальности, родным его считали 86,6 % всех сельских карелов, 94 % работающего сельского населения свободно владели им [Клементьев, 1971. С. 39–40].

Потенциальное знание карельского языка в общении дома карелы-селяне использовали примерно на 73 %. В то же время начинала возрастать языковая дистанция между поколениями. Разность по уровню свободного владения языком своей национальности между 16–29-летними и 50-летними, составляющая 37,9 %, – убедительное свидетельство ослабления языкового фактора во внутриэтнических связях.

В условиях сельской этнически смешанной среды конца 60-х годов XX века, когда средством внутринациональной коммуникации уже нередко выступал русский язык, языковая граница между карелами и русскими, русскоязычным населением в целом, начинала размываться, особенно в производственных контактах, где доминировал язык межнационального общения. Росту функциональной нагрузки на русский язык способствовали урбанизация сельской среды, высокая миграционная подвижность населения, дальнейшее этническое смешение населения деревень и особенно лесных поселков, куда в послевоенные годы массово мигрировали представители различных национальностей, в том числе карелы-аграрии [Клементьев, Кожанов, 1988, 2001]. Мощность карельского языка во внутриэтнической консолидации в течение всего послевоенного времени, напротив, последовательно ослабевала, усиливая растущую доверительность к русскому языку.

Браки карелов с представителями других этнических групп приобрели массовый характер: если в начале 1940-х годов в национально-смешанных браках состояло 10 % сельских карелов, то в конце 1960-х годов – более 31 % [Бирин, 1982. С. 113, 118].

В последующие десятилетия число национально-неоднородных браков быстро и неуклонно росло. В поселках городского типа и городах межнациональные брачные союзы преобладали. Национально-смешанные браки последовательно превращали карельский этнос в слабо интегрированную общность.

Продолжали ускоряться и темпы смены языка: по данным Всероссийской переписи населения 1970 г., 42,2 % карелов-горожан родным считали русский язык, в сельской местности 17 %. Городская среда превращалась в сильный фактор развития этнических процессов, в том числе ассимиляционных: в 1970 г. 45 % всех ка-

релов проживали в городских поселениях [Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. 4. 1972. С. 138].

По данным социологического исследования 1972 г., языком раннего детства у 76,6 % горожан в возрасте 16 лет и старше был карельский язык, свободно владели им около 69 %, признавали родным примерно 59 % [Клементьев, 1974. С. 26–36].

Влияние русскоязычной городской среды на языковые характеристики карелов-горожан особенно заметно в разрезе возрастных групп. Так, например, примерно у половины молодежи до 29 лет языками раннего детства были карельский и русский, в то время как у 95 % пожилых – только язык своей национальности. Наиболее часто молодежь говорила по-карельски лишь с родителями (каждый седьмой-восьмой), отдавая предпочтение русскому языку (свыше 51 %); нередко молодежь прибегала и к двуязычной речи (каждый третий). Потенциальное знание языка своей национальности использовали не более половины карельской молодежи. Но ни в супружеском общении, ни в разговорах с детьми карельский язык уже практически не использовался, что увеличивало разрыв языковых связей между поколениями.

В течение 1970–1980-х годов число карелов с родным карельским языком сокращалось в 5 раз быстрее, чем уменьшалась общая численность карельского населения. К 1989 г. совпадение национальности и родного языка снизилось до критического показателя – до 50,6 % [НА РК, ф. 659, оп. 19/114, с. 81–85, 141–145, 201–205, 261–265]. Считается, что после «перехода» 50-процентного рубежа этого показателя сохранение этнического и самого этноса становится проблематичным.

С начавшимся переходом к демократическим преобразованиям национальное (этническое) самосознание, образно говоря, было «разбужено» – резко возросла значимость социально-этнических элементов национальной жизни, находящихся в латентном состоянии. Обострившийся интерес к этнической, политической, экономической истории, культурным ценностям карельского народа оказался «выплеснутым» на страницы периодической печати. Рубеж 1980–1990-х годов стал временем активной реакции на сложившуюся в карельском этносе критическую ситуацию, временем начального пробуждения и выстраивания региональной политики, когда национальная принадлежность приобрела массовую публичность, подчас лозунговый характер. Факт языковой ассимиляции стал активно работать на поли-

тизацию этничности [Карелы..., 2005; Карельское..., Ч. 1. 2009].

Языковая составляющая, как фактор, подерживающий языковой суверенитет народа, была представлена в дискуссии широким спектром мнений и оценок. Но разная степень причастности к решению языковых проблем разделила пишущих в республиканские газеты на несколько групп. В письмах одних высказывалось одобрение начинаниям, звучал оптимизм по поводу перспективы развития карельского языка (активисты), в заметках других звучали сомнения (пессимисты), часть участников диспута протестовала против начавшихся нововведений (нигилисты).

Активисты национального движения – самая многочисленная группа, состояла из представителей гуманитарной интеллигенции, настойчиво утверждающих в массовом сознании коллективистскую идеологию защиты культурно-языковых ценностей народа (примерно 85–90 % публикаций). Триада «язык – национальная (этническая) принадлежность – этническая общность» рассматривалась ими как неразрывная целостность.

В период перестройки этничность приобрела новые качественные признаки, среди которых существенную роль стали играть этнополитические и идеологические моменты. Республиканские власти весьма активно включились в решение национальных проблем. В эпицентре этнической мобилизации оказались вепсский и карельский языки. Политическая, правовая, экономическая защита языков, инициированная активистами зарождающегося вепсского и карельского движений, внедрялась в практику, направленную на сохранение народами коллективной идентичности.

Одна из центральных задач состояла в том, чтобы использовать мобилизационную силу языковой составляющей в решении первостепенных проблем: возродить письменность, обеспечить изучение языков в образовательной системе, использовать их в средствах массовой информации, издательской деятельности и т. д., содействуя тем самым воссозданию культурно-языковой среды как фактора консолидации этноса. Значительное внимание уделялось разработке нормативно-правовой базы – важнейших условий сохранения прибалтийско-финскими народами своей этнической индивидуальности [Клементьев, 2003. С. 101–177].

Спад в карельском движении, начавшийся в Карелии, как и по всей России, во второй половине 1990-х, наиболее остро затронул «национальную» школу, на которую националь-

ная общественность возлагала большие надежды. Если в 1989 г. карельский язык изучался в 11 школах (301 ученик), в 1995 г. – в 60 школах (2552 ученика), то в 2008 г. – в 40 школах (1559 учащихся). К настоящему времени число их уменьшилось до 30 [Текущий архив Министерства образования Республики Карелия]. Резко сократился прием студентов на кафедру прибалтийско-финской филологии. Такая динамика убеждала, что возрожденческим надеждам, возлагаемым на школу, не суждено сбыться.

В XXI век карелы вступили с «возом» нерешенных проблем. Карелы сегодня – это «таящая» этническая общность практически по всей серии социально-этнических характеристик.

С 1959 г. по 2002 г. существенно сузилась демографическая база этноса: общая численность карельского населения сократилась с 85473 до 65651 чел., или на 23,2 %, к 2010 г. – до 45570 чел., или еще на 30,6 % по сравнению с 2002 г. К 2002 г. демографическая пирамида карелов, изображенная графически, имела противоестественный вид перевернутого конуса: доля молодых (до 16 лет) была в два раза ниже, чем удельный вес пожилых (старше 60 лет) [Национальный состав населения Республики Карелия. Сборник статей V. Петрозаводск, 2005. С. 30].

Языком своей национальности в 2002 г. владеет только 48,3 %, т.е. более чем у половины карельского населения республики существенно ослабла связь со своей национальностью по языковой составляющей.

Социологический опрос 2002 г., проведенный в 5 городах, 3 поселках городского типа и в более чем 40 сельских поселениях 7 районов (опрошено 1000 чел. в возрасте 16 лет и старше), показал: к началу XXI столетия ни одна из возрастных групп, за исключением карелов преклонного возраста, знание языка своей национальности не оценивала выше, чем русского. Мощность и притягательная сила русского языка, его распространенность обусловили предпочтительное отношение к нему и сельских, и городских карелов как к фактору социального (в широком смысле этого слова) развития. Такое восприятие русского языка выразилось в нечастом использовании языка своей национальности практически во всех сферах языковой коммуникации.

Снижение интенсивности национального (этнического) самосознания демонстрируют и данные по вопросу: «Беспокоятся ли карелы о будущем своего народа?», разделившие участников опроса на несколько групп. Придерживаются они различных установок.

Самую большую группу составили те, кто ничего не делает для сохранения культурно-языкового наследия своего народа (40 %). Среди них повышен удельный вес лиц со средним образованием, служащих-неспециалистов, работников торговли, сферы обслуживания, здравоохранения, детских дошкольных учреждений, работающих в сельском и лесном хозяйстве, а также проживающих в многонациональной семье, в которой есть представители не менее трех национальностей.

В составе второй группы – те, кто принимает активное участие в возрожденческой работе (их почти 32 %). Это чаще женщины старше 50 лет, многие с высшим образованием, занятые в сфере науки, культуры, образования. В числе активистов свободно владеющие карельским языком, как правило, освоившие язык своей национальности в раннем детстве.

В группе не интересующихся национальными проблемами (таких около 17 %) повышена доля мужчин, лиц с неполным средним образованием, рабочих, занятых в отраслях промышленного производства, из неработающего населения это безработные, учащиеся и студенты, проживающие в национально-смешанных семьях.

Относительно небольшую группу составили те, кто считает, что «карельский язык все равно не сохранится и работать в этом направлении – пустая трата времени» (7 %). В этой группе заметна доля карелов со средним общим образованием, молодых матерей, а также живущих в национально-смешанной семье.

Неоднозначное отношение было высказано и по поводу придания карельскому языку статуса государственного языка.

Точку зрения, что карельский язык способен в полной мере выполнять такие функции, поддержали меньше всего участников опроса – 12,5 %. Это карелы различных возрастных групп, но чаще 50-летние и старше, как работающие, так и неработающие, представители различных социально-профессиональных групп.

Чаще были отданы голоса второму варианту: карельский язык следует наделить статусом государственного языка в будущем, хотя сегодня он и не готов выполнять эту функцию (17,4 % ответов). В этой группе повышена доля пожилых работающих, лиц с высшим образованием, работников различных сфер приложения труда.

Примерно в равной мере распределились мнения, что карельский язык сегодня не готов выполнять функции государственного языка и наделять его таким статусом не следует (около 21,5 %), но в будущем ему следует придать статус государственного языка (21,8 %). В пер-

вой из этих групп выше удельный вес карелов в возрасте 16–49 лет. Это студенты и учащиеся, люди с высшим образованием, женщины, находящиеся в отпуске по уходу за детьми, занятые в сферах культуры и образования, во второй – представители разных поколений, работающие в органах власти и управления, проживающие в многонациональных семьях.

Больше всего среди опрошенных оказалось тех, кто не согласился ни с одним из этих вариантов ответа (27,2 %). Это люди 16–29 лет, имеющие неполное среднее образование, работники физического труда.

Приведенные суждения-оценки по двум стратегическим вопросам развития карельского этноса свидетельствуют о том, что большая часть карельского населения (около 70 %) индифферентно отнеслась к перспективам сохранения своего народа. Ни идея огосударствления карельского языка, ни идея создания единого для всех групп карелов литературного языка не нашли поддержки большинства представителей этноса. Усилий, предпринятых как структурами власти и управления, обязанными по закону обеспечить сохранение народами культурно-языкового наследия, так и карельской общественностью, оказалось недостаточно, чтобы противостоять лавинообразному характеру языковой и этнической ассимиляции.

На заре этнической мобилизации самые, пожалуй, большие надежды в деле сохранения языка возлагались на школу. Время показало, что изучение карельского языка в школах с опорой на советский опыт преподавания иностранных языков оказалось явно неэффективным. При двухчасовой практике преподавания языка вести серьезный разговор о возврате к карельско-русскому двуязычию, широко распространенному в послевоенные десятилетия, нет веских оснований. Выстраивание системы изучения языка по непрерывной цепочке «детское дошкольное учреждение (по типу «языкового гнезда») – школа – вуз», о которой постоянно говорилось с конца 1980-х годов вплоть до наших дней, так и не получило широкого распространения. Современная «национальная» школа, работающая в условиях, когда семья уже не в состоянии научить детей говорить по-карельски в раннем детстве, не способна сдержать движение карельского этноса к одной языковой, а затем и к этнической ассимиляции. Лозунги «Мы сохраним родные языки!», «Мы сохраним коренные народы Карелии как уникальные образования исторического сообщества!», озвученные представителями властных структур в начале двадцать первого столетия, приняли выраженный мани-

фестный характер, явно не всегда подкрепленный реальными делами.

Таким образом, коренные изменения в социальной (в широком смысле этого слова) и языковой жизни в послевоенные годы привели карельский этнос к такому критическому состоянию, когда проблема сохранения народа стала реальностью дня.

Литература

- Александренков Э. Г.* «Этническое самосознание» или «этническая идентичность»? // *Этнограф. обозрение.* 1996. № 3. С. 13–22.
- Арутюнов С. А.* Этничность – объективная реальность // *Этнограф. обозрение.* 1995. № 5. С. 7–10.
- Бирин В. Н.* Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. Петрозаводск, 1982. 256 с.
- Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия // *Совет. этнография.* 1969. № 6.
- Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Вепсы: модели этнической мобилизации: сб. док. и материалов.* Петрозаводск: КНЦ РАН, 2007. 337 с.
- Грушин Б. А.* Мнение о мире и мир мнений. Проблемы методологии общественного мнения. М., 1967.
- Губогло М. Н.* Элементы этнической идентификации в оценках экспертов // *Всесоюз. науч. сессия, посвящ. итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г. Секция этнографии, фольклора и антропологии.* Тбилиси, 1971. С. 5–9.
- Губогло М. Н.* Языковые контакты и элементы этнической идентификации. IX Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сент. 1973). М.: Наука, 1973. 13 с.
- Губогло М. Н.* Интегрирующие функции языка // *Социолингвистические проблемы развивающихся стран.* М.: Наука, 1975. С. 223–240.
- Губогло М. Н.* Языки этнической мобилизации. М.: Шк. Яз. рус. культ., 1998. 816 с.
- Губогло М. Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 766 с.
- Дашдамиров А. Ф.* Национальные моменты индивидуального сознания. Автореф. канд. дис. М., 1968. 19 с.
- Дробижина Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. 383 с.
- Идентичность и толерантность.* М., 2002. 418 с.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года.* Т. 4. М.: Статистика, 1972. 848 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 4, т. 23.
- Карель: модели языковой мобилизации.* Сборник документов и материалов. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2005. 281 с.
- Карельское национальное движение.* Часть 1. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 2009. 248 с.

Клементьев Е. И. Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР). Автореф. канд. ист. наук. М., 1971. 19 с.

Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения) // Совет. этнография. 1971. № 6. С. 38–44.

Клементьев Е. И. Развитие языковых процессов в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского городского населения) // Совет. этнография. 1974. № 4. С. 26–36.

Клементьев Е. И. Национально-культурные ориентации карельского городского населения // Совет. этнография. 1976. № 3. С. 57–68.

Клементьев Е. И. В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карел, вепсов, финнов Республики Карелия. «Права человека и законодательство о языках в субъектах Российской Федерации». М.: Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 2003. 63 с.

Клементьев Е. И. Республика Карелия: правовая ситуация в сфере этнокультурного и языкового образования // Правовой статус языков и этнокультурные потребности российской школы / Под ред. акад. В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2011. С. 101–120.

Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии. 1945–1960. Историко-социологические очерки. Л.: Наука, 1988. 212 с.

Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии. 1960–1980. Историко-социологические очерки. Петрозаводск, 2001. 199 с.

Кожанов А. А. Этническая принадлежность в самооценках карелов и вепсов // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира: сб. науч. тр. М.: Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1976. С. 31–44.

Кожанов А. А. Элементы этнической идентификации и признаки этнической общности в оценках карел и вепсов (по материалам экспериментального исследования) // Этнография Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 180–204.

Кожанов А. А. Внешность как фактор этнического сопоставления (к вопросу о методике изучения) // Совет. этнография. 1977. № 3. С. 14–21.

Кожанов А. А. Методика исследования национального самосознания (опыт разработки по материалам Карельской АССР). Автореф. канд. дис. М., 1978. 25 с.

Козлов В. И. Динамика численности народов: методология исследования и основные факторы. М., 1969.

Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общность // Совет. этнография. 1970. № 6. С. 47–60.

Козлов В. И. Этнос и территория // Совет. этнография. 1971. № 6. С. 89–100.

Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Совет. этнография. 1974. № 2. С. 79–92.

Козлов В. И. Этнос и культура // Совет. этнография. 1979. № 3. С. 71–86.

Козлов В. И. Проблема «этничности» // Этнограф. обозрение. 1995. № 4. С. 39–55.

Козлов В. И., Шелепов Г. А. «Национальный характер» и проблема его исследования // Совет. этнография. 1973. № 2. С. 69–82.

Кузнецов А. И. Адаптивность этнических культур и этнокультурные типы самосознания личности // Совет. этнография. 1988. № 1. С. 15–27.

Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы // Труды Института этнографии АН СССР (новая серия). Т. 15. М.: Изд-во АН, 1951. 280 с.

Леонтьев А. Н. Понятие отражения и его значение для психологии. XVIII Междунар. психолог. конгресс. 4–11 авг. 1966. М., 1969.

Национальный архив Республики Карелия (в тексте – НА РК).

Национальный состав населения Республики Карелия. Сборник статей V. Петрозаводск, 2005. 48 с.

Пименов В. В. Некоторые черты национального самосознания (По материалам Удмуртской АССР) // Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1972. С. 344–358.

Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. М.: Наука, 1977. 364 с.

Подходы к изучению этнической идентификации. М., 1994.

Тишков В. А. О феномене этничности // Этнограф. обозрение. 1993. № 2. С. 3–21.

Тишков В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1994.

Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности. М.: «Рус. мир», 1997. 532 с.

Чешко С. В. Человек и этничность // Этнограф. обозрение. 1994. № 6. С. 73–85.

Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // Совет. этнография. 1997. № 3. С. 73–85.

Шелепов Г. В. Общность происхождения – признак этнической общности // Совет. этнография. 1968. № 4. С. 65–74.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Клементьев Евгений Иванович
старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: eik@karelia.ru
тел.: (8142) 572066

Klement'ev, Jevgeniy
Institute of Language, Literature and History, Karelian Research
Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: eik@karelia.ru
tel.: (8142) 572066